

Вейдер был в ярости. Нет, даже больше. Он кипел. Никогда в жизни ему не приходилось так долго общаться с такими имбецилами и простофилями. Это было возмутительно! Он бы в любой день предпочел святыню поля боя мучениям цивилизованных общественных мероприятий. Терпеть пытку стольких безмозглых, придурковатых и прямо-таки предательских умов одновременно. Это было почти агонией, если бы не удовольствие от осознания того, что будет дальше. Если бы Вейдер добился своего, вся комната была бы отправлена на казнь, и Империя наконец-то начала бы новую ветку. Даже те, кто считал себя верными Империи и, таким образом, защищенными от его гнева, жестоко ошибались. По мнению Вейдера, они были такими же отбросами, как и все остальные.

Всю ночь он боролся за то, чтобы держать себя в руках, выполняя свою идеальную роль в схеме своего мастера, и хотя Вейдер и сам сомневался в своем присутствии в течение ночи, он был несколько удивлен, когда ночь наконец подошла к концу. Присутствующие были, конечно, глупцами, но было легко забыть о течении времени или даже о других делах своего ума, когда он был занят прогулкой по их каламбурным умам. Обычно он проводил время именно так, полностью и без остатка отдаваясь своей миссии. Этот случай ничем не отличался от других.

Так было до тех пор, пока он не допустил один маленький промах. Вейдер едва не зарычал от досады, ощутив на языке острый вкус неудачи. В его защиту можно сказать, что это произошло в конце ночи, после того как он устал просто играть роль правой руки своего учителя и копаться в умах тех, кого он уже осудил. Этот человек не раз за ночь досаждал Вейдеру своими пронзительными похотливыми мыслями. Громкие мысли, которые кричали так громко, что даже Вейдеру было трудно их игнорировать. Вейдер не раз за ночь подумывал о том, чтобы прикончить этого человека. Это было бы слишком просто - убить человека, пока Вейдер смотрит в другую сторону. Конечно, никто из этих имбецилов не ожидал бы его увидеть, пока он стоял на противоположной стороне комнаты спиной к сцене. Это могло бы даже позабавить. Чтобы человек случайно упал на острый предмет, чтобы вино застряло у него в горле. Даже самый лучший врач не смог бы отличить действие его силы от несчастного случая, не то что свидетели.

Но все было не так, потому что вместо этого Вейдер решил подчиниться желаниям своего мастера, пока тот не решил в буквальном смысле испытать последние нервы Вейдера. Его руки скрутились по бокам, он вспомнил, как хрустнула шея того человека. Как легко было бы переломить дыхательное горло, сломать кости, покончить с жизнью. Как бы он хотел этого. Он хотел бы убить и его, и этого нелепого молодого сенатора, и Амидалу. Такая же дура.

Ее доброта была глубже, чем у остальных, чистота, которой не было у других, и хотя он согласился с тем, что это делает ее не таким уж отвратительным политиком, по крайней мере, менее отвратительным, чем большинство, это делало ее еще большей дурой. Ему даже не нужно было заглядывать в ее мысли, чтобы понять, что она ненавидит Империю, и, таким образом, сделать ее виновной в симпатиях Восстания еще до того, как началось расследование. Он и его учитель знали, что она была связана уже несколько месяцев, и хотя он не видел ее лично, он хорошо помнил ее лицо в сознании своего учителя. У его мастера был сложный мыслительный процесс, связанный с девушкой: он, мягко говоря, презирал ее и в то же время придавал ей огромное значение. Чаще всего ему казалось, что его мастер даже одержим молодым сенатором, хотя как именно, он еще не мог объяснить.

Увидев ее сегодня впервые во плоти, Вейдер усомнился в давней одержимости своего мастера,

поскольку не видел в этом смысла. Она была молода и привлекательна, как окрестил ее почти каждый представитель мужского пола в этой комнате, но Вейдера это почти не волновало. Возможно, она обладала физическими достоинствами, которые, он был уверен, она использовала, как и многие другие развратители, но какой в ней был смысл, кроме этого? Что у нее было такого, что увидел его мастер? Он не мог этого понять. Это та девушка, которую он так высоко ценил? Это та, которая имела первостепенное значение? Это та, которую Сидиус ненавидел больше всего на свете, но которая продолжала витать в его сознании? Вейдер не мог не задаться вопросом: в конце концов, разве девушка не выполнила свою задачу? Как сказал его мастер, разве не она привела его к власти? Разве ее работа не была завершена?

Если только Сидиус не благоволил к ней, что, в общем, не казалось слишком абсурдным. Он обычно выбирал женщин помоложе, которые были бы ему противны. Таких, с которыми он мог не только получить физическую разрядку, но и удовольствие от их ужаса. Судя по ее мыслям об Империи и ненависти к Императору, Вейдер решил, что она, несомненно, подходит для этого. Но Вейдер отогнал эту мысль, внезапно почувствовав тошноту от того, что он довел эту мысль до конца. В любом случае, эта девушка была слишком добра, чтобы понравиться его мастеру, заключил он. Она даже была достаточно любезна, чтобы поприветствовать его вечером, что, конечно, было неожиданностью, но и раздражало. Хотя не так сильно, как ее попытки приказывать ему.

Эта мысль разозлила его, и ближайшие картины на стене начали дребезжать. Как она смеет пытаться командовать им? Как она смеет думать, что она настолько величественна, что он когда-нибудь послушается ее. Она была такой же идиоткой, как и этот мужчина. Думает, что он настолько выше всего этого, что может действовать так безрассудно без всякого отклика со стороны ситхов. Да, ему хотелось бы покончить с ними обоими, но он знал, что их пытки придут со временем. Если бы он действовал на вечеринке, он знал, что его мастер не стал бы выполнять это задание. В конце концов, Сидиус хотел страха, а не паники. Паника придет завтра.

Мастер, конечно, был бы возмущен, недоволен его действиями, но когда Вейдер потянулся к Силе, он почувствовал только удовольствие. Было приятно ощущать, что его учитель доволен, а не раздражен, и это уже немного успокоило настроение Вейдера, но лишь немного. Вейдер все еще злился на себя, гнев накатывал на него, как волны. Неважно, что его господин был доволен страхом, который он создал, паникой, царившей в бальном зале. Он не мог найти покоя. Он чувствовал старика, когда тот медленно шел по коридорам, его мысли были ясны. Он был доволен тем, что сделал Лорд Вейдер. Да, Вейдер сделал именно то, чего он хотел: он посеял страх и, надеюсь, нашел ответы.

Вейдер не терял времени, присоединившись к своему мастеру и войдя в темный зал, Дарт Сидиус улыбнулся, увидев знакомое присутствие рядом с собой. "Ах", - подумал он, не поворачиваясь. "Лорд Вейдер, вот вы где".

"Да, мои извинения, мастер", - мрачно ответил Вейдер, занимая свое законное место рядом с мастером с немного мрачным, но более спокойным настроением.

"За что, мой юный ученик?"

"За мои действия против того человека", - прорычал Вейдер, вспоминая того идиота, который столкнулся с ним - идиота, который вывел его из себя и заставил провалить миссию. Он вдохнул, пытаясь найти облегчение, но не нашел. Запах вина, исходивший от его плаща, только усилил его гнев. "Вы сказали мне контролировать себя. Я подвел вас".

"Нет, этот человек был идиотом. Он заслужил то, что ты ему дал. На самом деле он заслуживал гораздо худшего", - ответил Император, впервые посмотрев другому человеку в глаза. "Помни, лорд Вейдер, твой гнев делает тебя сильным. Ты показал им свою силу. Ты показал им, почему ты лучше их, и почему они должны бояться тебя".

Вейдер кивнул. "Да, мой господин".

"Теперь", - сказал его учитель, возвращаясь к истинной теме. "Кто наши подозреваемые?"

"Все, кого вы подозревали", - ответил Вейдер. "Они вышли на нас, как только я переступил порог дома. Нет сомнений, что они тренировались возводить ментальные стены против таких способностей, как у меня".

"Обученные действующими джедаями?" спросил Сидиус, которого тошнило от этой мысли.

Вейдеру тоже стало тошно. Младший ситх сдержал рык, который чуть не сорвался с его губ при упоминании джедаев: их упоминание напомнило ему о его неудаче полностью стереть их существование из галактики. Он потерпел неудачу однажды, но больше не потерпит. Это был лишь вопрос времени, когда все они будут мертвы, когда они станут не более чем мифом.

"Возможно", - признал он, вопреки своему эго. "Это возможно".

Его учитель нахмурился. "Значит, ты не получил никакой информации?"

Это заявление вызвало у Вейдера высокомерную улыбку. "Конечно, получил, мой господин. Они мне не соперники".

Его мастер улыбнулся, настоящей отвратительной и плотоядной улыбкой. "Конечно, они не ровня, мой юный ученик".

"Ну что, будем действовать?" спросил Вейдер.

"Терпение", - приказал Сидиус. "Терпение". Он сделал несколько медленных шагов вперед, его руки были направлены на младшего ситха. "Мой план ясен. Завтра, - сказал он. "Завтра мы будем действовать".

Вейдер кивнул. "Да, мой господин".

Злобный смех Императора эхом разнесся по Императорскому дворцу, когда его ученик рассказал ему об информации, полученной из разумов гостей. Это была правда, несмотря на их драгоценные надежды, они не могли сравниться с молодым ситхом. Было бы слишком легко уничтожить Восстание в галактике. Это был лишь вопрос времени, но скоро... скоро они встретят свой конец.

Пока два ситха обсуждали свои планы, горстка сенаторов и делегатов оставалась в Имперском бальном зале еще долго после окончания вечеринки.

Те, кто остался, не осмеливались спрашивать Падме о ее поступках, но это не имело значения, спрашивали они вслух или нет, потому что Падме знала, что они думают о ней. Она знала, что они считают ее молодой и глупой. Бейл сказал ей, что считал ее храброй, но Падме знала, что даже внутри него есть часть, которая с этим не согласна, которая считает ее глупой.

"Пьяный мужчина зашевелился, его глаза распахнулись, и он сильно задышал. Воздух наполнил его легкие слишком быстро, ударившись о его ноющие и почти раздавленные внутренности, и он зашелся в яростном кашле. Молодой делегат держался за него, пока кашель не бросил его тело вперед, пока воздух, наконец, не заполнил его легкие.

Бейл был следующим, кто пришел на помощь мужчине; зная, что молодой человек протрезвел, он наклонился к нему и протянул стакан воды. "Рад видеть, что ты приходишь в себя", - сказал он. "Тебе очень повезло, что ты остался жив".

Мужчина ничего не сказал, взял у Бейла стакан и стал пить маленькими глотками. Большая шишка на его макушке заметно вздулась, и Падме тихо спросила, много ли он помнит о вечеринке и помнит ли вообще, что она для него сделала. Ответ она получила быстро: его глаза переместились на нее, когда он допил бокал. Он тяжело вздохнул и поставил пустой бокал на пол, а затем повернулся к ней и взял ее за руку.

"Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты сделала", - прошептал он, его горло обдало жаром. "Ты спасла мне жизнь".

Падме вежливо отдернула руку, слыша его тон голоса и хорошо зная его. "Не за что...", - она сделала паузу, не зная его имени.

"Кловис", - сказал он, закончив неизвестную часть ее предложения. "Раш Кловис".

"Не за что, мистер Кловис", - сказала Падме, заставив себя вежливо улыбнуться.

"Раш", - поправил он быстро, слишком быстро. "Зовите меня Раш".

Улыбка Падме померкла, но она снова кивнула, надеясь угодить мужчине и покончить с этим. "Не за что, Раш".

Когда мужчина продолжал смотреть на нее, ее охватило чувство неловкости. Казалось, сколько бы времени ни прошло, он не сводил с нее глаз. Это стало настолько странным, что она начала задаваться вопросом, может быть, мужчина еще не восстановил контроль над своими умственными способностями или, может быть, он просто извращенец, разглядывающий ее тело. Независимо от этого, она не могла больше оставаться под его взглядом. Стараясь вести себя как можно более нормально, она поднялась с пола, кивнув Рашу.

"Я рада, что ты чувствуешь себя лучше. Приятно было познакомиться", - сказала она, прежде чем повернуться к своим коллегам. "Боюсь, мне пора уходить. Увидимся завтра".

Сенаторы кивнули Падме на прощание, когда ее телохранитель подошел к ней и вывел ее из комнаты, но ей не нужно было иметь глаза на затылке, чтобы знать, что Раш Кловис все еще смотрит на нее. Это было то, что должно было заставить ее почувствовать беспокойство, но на самом деле в данный момент не имело для нее никакого значения. Ей не было дела ни до Раша Кловиса, ни до любого другого мужчины. Ее мысли были заняты только одним мужчиной, загадочным мужчиной на вечеринке, мужчиной, которого она даже не знала, был ли он мужчиной вообще: Дарт Вейдер.

Но для Раша Кловиса ее мысль не была столь ясной, потому что он ярко улыбался, глядя вслед удаляющемуся сенатору, его глаза были прикованы к каждой части ее тела, восхищаясь тем, как платье идеально ложится на каждый изгиб, подчеркивает ее попу и двигается, как кожа, когда она уходит от него.

"О да...", - промурлыкал он с наслаждением. "Она будет моей".

<http://tl.rulate.ru/book/79802/2415746>